

Эмма Рудкевич

СЛУЖАНКА
ДЛЯ СЫНА РЕКТОРА.
Я НЕ ПРИНАДЛЕЖУ ТЕБЕ!

Эмма Рудкевич

**Служанка для сына ректора.
Я не принадлежу тебе!**

«Автор»

2026

Рудкевич Э.

Служанка для сына ректора. Я не принадлежу тебе! /

Э. Рудкевич — «Автор», 2026

Моего отца посадили по ложному обвинению. А сын ректора предложил сделку:— Станешь моей послушной куклой на семестр — и папа выйдет на свободу. Я согласилась. Теперь ношу красную ленту, исполняю приказы Кирилла Вольского и терплю насмешки богатых студентов. Они уверены, что сломали меня. Но пока я обслуживаю их вечера и разбираю документы, узнаю, куда исчезают миллионы академических грантов. Преподаватель этики помогает мне искать доказательства. А Кирилл неожиданно признаётся: он тоже ненавидит собственного отца. Могу ли я довериться человеку, который заставлял меня стоять на коленях? И успею ли освободить папу, прежде чем ректор уничтожит все улики?

© Рудкевич Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Эмма Рудкевич

Служанка для сына ректора. Я не принадлежу тебе!

Глава 1

Утром в зеркале вместо моего лба обнаружилась бумажка. Я потянулась за щёткой, прочитала строчку и так и осталась стоять с открытым ртом. По краям блестел скотч. Вчера ничего не было: перед сном я ещё выдавливала прыщ у брови, уж это помнила прекрасно.

«Ты слишком тихая для этого места».

Оторвать скотч с первого раза не получилось. Ноготь скользил по стеклу, соседка завозилась под одеялом, и я почему-то сразу прикрыла бумагу ладонью. Как будто меня застали за чем-то неприличным. Потом всё-таки содрала. Кто-то подошёл к нашему зеркалу ночью — пока я спала в двух шагах. От этой мысли захотелось натянуть худи поверх ночной футболки и выйти немедленно.

Бумажку смяла и сунула в карман. По дороге к двери остановилась: студенческий остался на тумбочке. Вернулась за ним, проверила задвижку на окне. Всё было закрыто. Чудесно. Значит, человек, который это оставил, входил с ключом. Перед уходом я дважды дёрнула ручку. Очень хотелось, чтобы хотя бы второй раз она внушила мне доверие.

В четвёртой аудитории Марго заняла два стула: на одном сидела, на другом лежала её сумка. Я протиснулась дальше, задела рюкзаком ножку и услышала недовольное «осторожнее». Денис Кротов уже стоял у доски. На пиджаке возле кармана белел мел, но он этого не замечал. Остальные преподаватели обычно начинали с проверки посещаемости; этот мог забыть журнал и полчаса разбирать один наш ответ. Мне нравились такие занятия. Сегодня, правда, отвечать совсем не хотелось.

— Этикет, — начал он, глядя не на студентов, а куда-то в пустоту между рядами, — это не вежливость. Это механизм подавления воли. Когда вы соглашаетесь на сделку ради безопасности близких, вы перестаете быть людьми. Вы становитесь функциями.

В комнате повисла тишина. Даже Марго Лаврова перестала листать ленту в телефоне.

Три недели папа находился в СИЗО. Его обвиняли в подлоге справки о доходах — той, с которой я подавалась на стипендию. Я читала справку до отправки, и цифры там были наши. Теперь в деле лежали другие. Ректор при каждой встрече со стипендиатами напоминал о «бдительности» и обязательно называл мою фамилию. Денис говорил о сделке ради близких, а я разглядывала царапину на парте и боялась поднять глаза.

— Алиса? — Денис посмотрел прямо на меня. Его глаза были серыми, как ноябрьское небо над нашим провинциальным городком. — Ваша формулировка?

Мне бы сказать, что не готова. Денис подождал, мел в его пальцах крошился, на доске остался недописанный вопрос. С последнего ряда кто-то шепнул: «Спит, что ли?» Вот из-за этого шёпота я и ответила. Прижала колено к ножке парты, чтобы перестало прыгать, и выговорила первую фразу.

— Функция не имеет права выбора, профессор, — произнесла я ровно, отчеканивая каждое слово, словно защищаясь доспехами. — Но она может стать инструментом сопротивления, если научится видеть структуру механизма.

Денис перестал крутить мел. Я смотрела на него в ожидании поправки, но он только кивнул и записал на доске последнее слово моего ответа. Захотелось немедленно спрятаться за тетрадь; за спиной скрипнул стул.

Кирилл сидел в последнем ряду. Я знала, даже не оборачиваясь: рядом с ним всегда оставляли свободное место, а Марго выбирала ракурс, с которого он мог видеть её ноги. Сын ректора и наш староста. Подписи под пропуском в общежитие, списки на практику, доступ к отцу — всё проходило через него. И сейчас мне очень не хотелось, чтобы он запомнил мой ответ.

На перемене я попыталась пройти вдоль стены. Марго выставила локоть, и мне пришлось остановиться почти вплотную. От её свитера пахло ванилью; воротник был мягкий, пушистый, без единого катышка. На моём худи я утром срезала два ножницами. С чего я вообще смотрю на её воротник? Лучше бы сразу обойти.

— Эй, ты, та самая... стипендиатка, — протянула она, растягивая слова, будто они имели неприятный вкус. — Передай конспект по лекции. Мои руки заняты.

На её телефоне двигались цветные шарики. Для конспекта нашлась бы свободная рука, если бы ей действительно понадобился конспект. Но двое за её спиной уже улыбались и ждали, что я скажу. Я взялась за край тетради в сумке. До следующей пары оставалось семь минут; можно было потом попросить её обратно при преподавателе.

Я молча достала тетрадь. Пальцы дрожали, но я контролировала их силой воли. Протянула ей. Марго освободила одну руку от телефона и взяла тетрадь двумя пальцами.

— Спасибо, — процедила Марго, даже не взглянув на меня. — И постарайся дышать тише. Ты мешаешь атмосфере.

Кирилл прошёл за её спиной и усмехнулся. Не остановился, не спросил, зачем Марго чужая тетрадь. Я проследила за ним до лестницы. Теперь рядом с бумажкой из зеркала в кармане словно лежала ещё одна неприятность: он всё видел и не счёл нужным вмешаться.

К вечеру заболела голова. Я поднималась в общежитие, считая оставшиеся ступени и обещая себе лечь, даже не снимая худи. У своей двери остановилась. Ручка стояла чуть ниже обычного, между дверью и косяком чернела щель. Утром я проверяла замок. Дважды.

Дверь подалась под ладонью. Первой увидела свою папку: она лежала раскрытая на полу, справки отца высыпались под стул. В ящике с бельём тоже рылись. Книги с полки сбросили, одну страницу прижало дверцей шкафа. Я подняла папку и начала проверять листы. Странно, что я думала именно о них, а не о том, что человек ещё может находиться в ванной.

Позвать коменданта? Тогда придётся назвать, какие бумаги пропали, показать, что осталось. А комендант позвонит наверх. Там про нашу семью знают больше, чем мне хотелось бы. Я открыла шкаф за дверью, заглянула в ванную. Никого. Включила весь свет и стала собирать документы. За каждую найденную страницу держалась несколько секунд — проверяла обе стороны, хотя прекрасно понимала, что подделку так не увижу.

Я действовала быстро, механически. Хватай самое ценное: паспорт, студенческий билет, флешку с черновиками курсовой. Папку отца тоже сунула в рюкзак. Потом вернулась за зарядкой: без телефона я даже не узнаю, что случится на суде.

Через десять минут рюкзак был собран. Соседка, вернувшаяся из душа, уже лежала под одеялом. На вопрос, кто входил, пожала плечами: «У коменданта спроси». Потом отвернулась к стене. Мне хотелось встряхнуть её, но я крепче прижала рюкзак и вышла.

Глава 2

В библиотеку пускали по студенческому даже ночью. Обычно этим пользовались те, кто тянул с курсовой до последнего; сегодня воспользовалась я. Дежурная посмотрела на рюкзак, но ничего не спросила. В дальнем углу стояли тяжёлые тома старых кодексов. Там можно было сесть так, чтобы из дверей меня не увидели. Я заняла стол, положила телефон перед собой и проверила заряд: двадцать восемь процентов. Хорошо, что вернулась за зарядкой.

На столе оставался круг от чьей-то чашки. Я накрыла его рукавом и легла щекой на руку. От рюкзака под коленями затекала нога, но поставить его на пол не получалось: вдруг усну, а его вытащат? Трижды закрывала глаза. Каждый раз открывала снова, вслушиваясь в шорох за стеллажом.

Кто-то шёл по залу. Я успела выпрямиться и взять телефон — зачем, сама не знала, звонить всё равно было некому. Между стеллажами появился Кирилл. До прохода нужно было добежать мимо него; я осталась на месте, только придвинула рюкзак под стол глубже.

Он остановился с другой стороны стола, положил ладонь на спинку свободного стула. На нём был тот же пиджак, что утром, ни складки на рукаве. Я машинально одёрнула худи и разозлилась на себя. Ему-то что до моей одежды? В другой руке он держал плотный белый конверт.

— Ты храбрая, Алиса, — его голос был низким баритоном, вибрирующим в грудной клетке. — Или глупая. Для ночных бдений в библиотеке нужны веские причины. Например, страх перед собственной жизнью.

Он смотрел сверху вниз. Я выпрямилась ещё немного, хотя от усталости уже звенели уши, и заставила себя встретить его взгляд.

— Мне нечего бояться, кроме скуки, — соврала я. Голос предательски дрогнул на последнем слове.

Кирилл слегка улыбнулся. Я уже пожалела про скуку: на моём лице её точно не было.

— Правда? Тогда почему твои вещи в комнате лежат вверх дном?

Значит, он знает. Он был там. Или организовал это.

— Я не знаю, о чем ты, — ответила я жестче.

Он обошёл стол. Я отодвинулась вместе со стулом, ножки скрипнули так громко, что у стойки повернулась дежурная. Кирилл положил конверт передо мной и включил лампу. Я заморгала, прикрывая глаза. После темноты даже тетрадная клетка на чужом листке резала взгляд.

— Это не просьба, Алиса. Это предложение сделки. Твое прошлое осталось в провинции? Оно дышит тебе в затылок. Твой отец обвинен в подлоге. Дело закрыто, если ты согласишься стать моей тенью на завтрашнем балу.

— Чьей тенью? — спросила я, хотя уже знала ответ.

— Моей. Публичной прислугой. На весь семестр. Ты будешь носить то, что скажу. Стоять там, где скажут. Молчать, когда велю. И тогда никто не тронет твою семью. Ни полиция, ни администрация, ни те, кто любит рыться в чужих грязных тайнах.

Он придерживал конверт указательным пальцем. Я смотрела на ноготь — аккуратно подстриженный, чистый — и почему-то вспоминала свои руки после сборов: под ногтями осталась пыль из ящика. Этот человек только что пообещал решить, где мне стоять и когда молчать. Даже не спросил, смогу ли я жить на таких условиях.

— Почему я должна согласиться? — спросила я. — У вас есть власть. Вы можете просто уничтожить меня. Зачем сделка?

Кирилл отодвинул стул и сел. Теперь мы были на одной высоте, однако от этого разговаривать легче не стало. Он взялся за клапан конверта, будто собирался показать ответ вместо того, чтобы произнести его.

— Потому что уничтожение — это шум. А мне нужна тишина. Твоя тишина. Ты идеальная кукла, Алиса. Невидимая, послушная, но с внутренним стержнем, который интересно сломать. Или... использовать.

Из конверта высыпались фотографии страниц дела. Я узнала номер на верхнем листе, который видела в копии у адвоката. Дальше шли уже незнакомые документы: контракт со спонсорами, платёжка, подпись ректора. Я подалась к свету. Если он собирался заставить меня прочесть всё это за минуту, пусть хотя бы перестанет держать край пальцем.

На платёжке стояла дата контракта. Сумма перевода была с шестью нулями; получателем значилась семья Лавровых. Я перечитала, потому что сначала решила, будто деньги поступили от них, а не им. Нет, именно им.

Марго. На бал, где мне предлагали стать прислугой, звали её родителей. Им перевели деньги в тот же день, когда ректор подписал спонсорский контракт. Я попыталась повернуть фотографию к себе; Кирилл пока не мешал.

Я задержалась на этой странице. Она никак не относилась к моей стипендии — или я пока не видела связи.

Я перечитала фамилию получателя. Лавровы. Почему документ о них лежал рядом с обвинением моего отца? Одного совпадения дат было мало, чтобы кого-то обвинить. Но Кирилл принёс его сам и теперь следил за моим лицом.

Может, он проверял, замечу ли я перевод. Может, просто пугал количеством бумаг. Я потянулась перевернуть следующую страницу, и он накрыл её ладонью.

— На сегодня хватит.

Вот теперь захотелось вырвать конверт. Он предлагал мне молчать целый семестр, а сам не выдержал моего молчания и минуты. Что-то на следующих листах ему было важно скрыть. Или показать позже, когда я подпишу всё, что ему нужно.

Запомнить дату. Запомнить сумму. На балу будут Лавровы; стоя с подносом, можно услышать то, чего не говорят перед стипендиаткой. Я всё ещё боялась его. Но теперь знала, зачем соглашусь.

— Хорошо, — сказала я. Слово вышло ровным, без дрожи.

Кирилл замер. Кажется, он ждал слез, мольбы или отказа. Он не ждал согласия. Его глаза на долю секунды расширились, выдавая интерес.

— Ты понимаешь условия? — уточнил он.

— Я понимаю цену, — ответила я, встречая его взгляд. — И я понимаю, что ты хочешь увидеть.

Он улыбнулся. Теперь это была настоящая улыбка. Он больше не шурился, зато конверт придвинул к себе.

— Завтра в семь вечера. Надень черное. И запомни, Алиса: в этой игре ты либо ломаешься, либо ломаешь других. Третьего не дано.

Кирилл развернулся и ушел в темноту коридора. Шаги стихли.

Когда он ушёл, дежурная спросила из-за стойки, выключить ли свет. Я покачала головой, дождалась, пока она отвернётся, и вытащила из кармана утреннюю записку. На обороте записала дату и сумму. Пальцы всё ещё тряслись; цифры пришлось обвести второй раз. На бал я пойду в чёрном. С подносом, как он хочет. Но слушать буду внимательно.

И я согласилась.

Глава 3

Утром Кирилл вызвал меня в кабинет отца. самого ректора не было; он сидел в его кресле и выравнивал перед собой бумагу. Я осталась у стола. Стул стоял за спиной; садиться без приглашения почему-то показалось недопустимым. На каминной полке тикали часы. Я успела пересчитать книги за стеклом, прежде чем Кирилл наконец посмотрел на меня.

— Подпиши, — сказал он. Голос был тихим, бархатистым и абсолютно равнодушным.

«Соглашение о добровольном кураторстве». Я прочитала заголовок, потом первый пункт, потом снова заголовок. Добровольном. Слово даже подчеркнули. Ручка лежала рядом; я подняла её, сняла колпачок и сразу надела обратно. Подписать означало подтвердить, что всё вчерашнее я выбрала сама.

— Нет, — выдохнула я, отшатываясь назад. Спина ударилась о спинку стула, боль обожгла плечи. — Я не буду лгать на бумаге.

Кирилл достал телефон. Я сначала увидела на экране металлическую ножку табурета, потом папины ботинки. Он всегда тщательно чистил их перед выходом, а здесь на носке белело пятно. Папа сидел сторбившись и тёр ладони о колени. Следовател за кадром говорил о пятнице и суде. Я наклонилась ближе к экрану: хотелось рассмотреть лицо, хотя это не имело никакого смысла. Запись. Он меня не увидит.

— Твой отец уже почти там, Алиса, — произнес Кирилл, убирая телефон в карман пиджака. Он не повысил голоса, ему это было не нужно. За дверью кто-то прошёл. Кирилл дождался, пока шаги стихнут. — Без твоей подписи я ничего не сделаю до пятничного суда. С моей — дело тихо закроют через связи ректората. Выбор прост. Или ты сохраняешь иллюзию чистоты рук ценой свободы отца, или берешь на себя грех ради него.

Я опёрлась ладонью о стол. Под пальцем оказалась крошка — маленькая, белая. Здесь ели печенье, пока я бегала по общежитию с папкой. Не знаю, почему меня это так задело. Я смахнула крошку и тут же подумала, что Кирилл заметил дрожащую руку. Надо предложить что-то другое. Работу, помощь, всё, что не заставляет подписывать это слово.

— Я могу работать, — прошептала я, голос сорвался на хрип. — Я буду помогать тебе с документами, учиться лучше всех... Но не как рабыня. Не как вещь. Дай мне право голоса.

Он смотрел, как я вытаскиваю телефон. Вчера не смогла дозвониться Лене, но сейчас надо хотя бы попробовать. Кирилл потянулся через стол, прижал моё запястье к бумаге и забрал телефон. Я дёрнулась; бланк съехал вместе с рукой. — Это моё. Он даже не ответил, уже листал контакты.

— Ты торгуешься? — спросил он удивленно, будто услышал самое смешное предложение дня. На экране моего телефона открылась страница контактов. Он быстро нашел имя «Лена» — моя единственная подруга из провинции, девушка, которая могла бы помочь юридически, найти адвоката, просто поддержать словом. Кирилл нажал «Удалить».

На экране исчезла строчка с Лениным именем. Такой короткий щелчок — словно он убрал лишнюю букву. Я знала, что номер можно восстановить, что у нас остался чат, но всё равно смотрела на пустое место, не в силах попросить телефон обратно.

— Ты больше не торгуешься, Алиса. Ты выбираешь между свободой отца и своей гордостью. И поверь мне, гордость здесь стоит дешевле воздуха.

Он положил телефон на стол, и я забрала его сразу, прежде чем передумает. Номер Лены знала наизусть. Девять, ноль, три... дальше сейчас не вспоминалось. Я спрятала телефон в карман и взяла ручку. Нужно было закончить здесь, выйти, закрыть за собой дверь. Потом я всё вспомню. Потом кому-нибудь позвоню.

На первом штрихе ручка не писала. Я провела ею по полю дважды, оставила чёрную зако-
рочку и подписалась рядом. Фамилия получилась перекошенная, последняя буква уползла под

строку. Кирилл положил ладонь на договор. Я потянулась к своему телефону, уже собираясь уйти, но он остановил меня.

Его пальцы снова сомкнулись на моём запястье, прямо по следам первого захвата. Он заставил меня поднять взгляд. Смотреть ему в глаза.

— Три минуты, — скомандовал он.

Я держала голову прямо. Три минуты — это сколько? Сто восемьдесят секунд. Часы отсчитывали их у него за спиной, но после двенадцатой я сбилась. Перед глазами расплывалась переносица Кирилла; я смотрела туда, чтобы он не понял, что взгляд давно не выдерживаю. Хотелось откашляться. Разрешения на кашель, к счастью, пока не требовали. Когда он отпустил руку, я шумно вдохнула и сразу отвернулась. Договор он убрал в ящик. Даже копии не дал.

В коридоре было слишком светло. Я остановилась у окна, пряча руку в рукав, и попыталась вспомнить Ленины цифры. Рядом девушка спорила с парнем о кофе: там длинная очередь, здесь невкусный соус. Они сердились всерьёз. Я заслушалась, потому что тоже хотела иметь такую проблему. Соус или очередь. Не папа или я.

— Ой, смотри, кто тут побледнел!

Марго подошла справа. Двое парней остановились за ней; один всё ещё доедал булку. Она подождала, пока я повернусь, и с удовольствием оглядела меня с головы до ног. В рукаве руку спрятала неудачно — край ткани задрался, открывая следы Кирилла. Марго заметила.

— Ты чего такая кислая, стипендиатка? Перегрелась в кабинете декана? Или узнала, что цена твоего образования выше, чем твоих мозгов?

Парень с булкой хмыкнул. Мне хотелось спросить, много ли Марго заплатила за право учиться здесь, однако на языке уже стояло другое: «Простите». Я знала, что не обязана. Что даже вопроса не было. Но вспоминала отца на табурете и боялась рассердить хотя бы одного человека рядом с Кириллом.

Прижала подбородок к вороту, чтобы они не видели, как он дрожит. Запястье пульсировало. Лучше сказать что угодно и пройти, чем стоять здесь ещё минуту.

— Простите, — прошептала я. Слова вырвались автоматически, униженные, тихие.

Парни засмеялись. Марго отступила на полшага, освобождая ровно столько места, чтобы мне пришлось протискиваться между ней и стеной. Я прошла. У библиотеки остановилась и поняла, что всё ещё шепчу «простите». Смешно: за что? За запястье, которое она увидела? За то, что мешаю ей идти? От этого хотелось ударить ладонью в стену, но я только вытерла нос рукавом.

Денис стоял у библиотечной колонны с кофе. Снял крышку, собираясь пить, и замер, увидев меня. Я попыталась пройти мимо; он поставил кружку на широкий подоконник и шагнул навстречу.

— Алиса? — он наклонился, пытаясь разглядеть моё лицо. — Ты вся белая. Что случилось? Тебе плохо?

Пахло корицей. Денис говорил что-то ещё, а я смотрела на кружку за его спиной: взять, согреть пальцы, сесть и рассказать. Он ведь уже спросил, значит, разрешил. Я почти открыла рот. Но если он пойдёт разбираться с Кириллом, первым же делом вытащат договор с моей подписью. Добровольный. Я сама его подписала.

Кирилл ещё держал запись папиного допроса. Я не знала, кому он её отправит, если сейчас расскажу. Кому-нибудь, кто умеет делать с папой что угодно. Я отступила, Денис потянулся к моему локтю — и тут я толкнула его руку.

В другой руке он уже держал кружку: взял с подоконника, чтобы предложить мне. От толчка она качнулась, кофе плеснул через край на большой палец. Я дёрнулась помочь и остановилась. Денис посмотрел на мокрую ладонь, потом на меня; вот сейчас надо было извиняться по-настоящему, а я не смогла.

— Оставьте меня в покое, профессор, — выплюнула я, стараясь, чтобы голос звучал холодно, как сталь. — Вы слишком любопытны для преподавателя этики.

Я ушла прежде, чем он успел ответить. Услышала своё имя ещё раз, но не остановилась. На лестнице вытерла глаза и достала телефон. На экране высветилось уведомление от деканата о задолженностях. Очень кстати. Можно было хоть на минуту сделать вид, что я читаю его, а не плачу.

Глава 4

За дальним столом в столовой никто не сидел. Я села спиной к стене, развернула салфетку и решила просто попить воды. На еду денег хватало; аппетита после кабинета — нет. Кирилл подошёл с подносом, и свободное место напротив вдруг показалось худшим, что я могла выбрать.

Он поставил перед собой тарелку и сел. На ней лежали прозрачные ломтики сырой рыбы в соусе. От перца защипало в носу. Я убрала свой стакан к самому краю стола, освобождая место — опять эта услужливость, которую замечаешь уже после того, как сделала.

— Ешь, — приказал он.

— Я не голодна, — прошептала я.

— Ты будешь есть. Дисциплина начинается с тела, Алиса. Если ты не можешь контролировать свои инстинкты, ты не контролируешь ничего.

Тарелка проехала по столу к моим локтям. За соседним столом перестали разговаривать. Девушка подняла телефон, парень пересел ближе к проходу, чтобы видеть нас. Кирилл взял мою салфетку, сложил пополам и положил возле вилки. Получилось почти заботливо, если не слушать, что он говорит.

Первый ломтик соскользнул с вилки. Во второй раз я насадила его на два зубца, поднесла ко рту. Сначала почувствовала перец, потом холодную скользкую мякоть. Горло не хотело пропускать. Я прожевала ещё несколько раз, запила — стало только жгучее. — Руку убери, — сказал Кирилл, когда я прикрыла лицо. Девушка с телефоном приблизила картинку. Я опустила руку и взяла следующий кусок. Слёзы текли уже от соуса; это было маленькое облегчение — можно хотя бы не объяснять их.

Доела я медленно. На тарелке осталась полоска соуса; вилку положила поперёк, чтобы он не велел собирать и её. Кирилл кивнул. Вокруг снова заговорили, кто-то громко попросил хлеба. Значит, представление закончилось. Мне ещё предстояло встать и пройти между столами.

— Хорошо. А теперь за мной.

В парке ветер прошёл сквозь худи сразу, едва мы отошли от столовой. Я держалась освещённого края дорожки. Кирилл остановился у скамьи под каштанами и поманил меня. Пришлось подойти; он взял мою правую руку, а левой расстегнул внутренний карман пиджака.

Красную атласную ленту он расправил большим пальцем. Края были аккуратно обрезаны, будто кто-то готовил подарок. Я смотрела на них и пыталась понять, зачем она здесь. Для благотворительного вечера? Такой лентой могли отмечать волонтеров. Хотелось поверить именно в это.

— Что это? — спросила я, чувствуя новый приступ ужаса. Украшение? Знак отличия?

— Это метка, — ответил он спокойно. — Видимость статуса. Если кто-то увидит тебя без ленты, сделка аннулируется. Твой отец останется в камере, а против тебя найдут, что подшить.

Пока он обматывал запястье, я не двигалась. Только когда затянул узел, невольно сжала кулак: кожа под атласом побелела. — Туго, — сказала я. Кирилл придержал узел ещё секунду, проверяя, не развяжется ли. Моё замечание он услышал, но ослаблять ничего не стал.

— Красиво, — констатировал Кирилл, любуясь результатом. — Теперь весь мир знает, кому ты принадлежишь.

Я опустила руку и попробовала просунуть под ленту мизинец. Кирилл заметил, и я перестала. Сейчас надо было просто дойти до комнаты. Там можно попробовать ещё раз, чтобы хоть палец не немел. На балу запястье увидят все: у чёрного платья короткие рукава. Я одёрнула худи так, чтобы манжета закрыла узел хотя бы на время дороги.

Утром рукав пристал к ладони. Я потянула — зря: тонкая корочка треснула, в двух местах снова выступила кровь. На балу Марго разбила бокалы с шампанским. Я ползала под столом и собирала осколки, потому что Кирилл сказал: «Идеальная прислуга не жалуется». Самый мелкий застрял у большого пальца, и я никак не могла вытащить его при всех. Всё ждала, когда перестанут хлопать и отпустят. Наконец отпустили. Легче от этого почему-то не стало.

На этику пришла последней. Денис диктовал тему и писал на доске, так что можно было незаметно сесть у двери. Я шла боком между рядами, держа сумку перед собой. Конечно, именно у Марго понадобилось подвинуться. Она не убрала ноги; пришлось обходить.

Она перестала постукивать ногтем по столу и посмотрела на мою манжету. Я машинально спрятала руку за сумку. Вот этого делать не следовало: Марго сразу повернулась к подругам, чтобы и те посмотрели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.